

Конституционное и международное право

ПАВЛИКОВ Сергей Герасимович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Конституционное и международное право» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва (Email: 89152499929@mail.ru)

ШЕВЧЕНКО Светлана Николаевна, нотариус, Москва (тел. 84959595188; Email: not110@mail.ru)

СОВРЕМЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ «КОЛЛИЗИИ» НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. Предпринята попытка обосновать суждение о том, что одна из тенденций развития современного российского конституционализма связана с противодействием навязываемой США и рядом европейских стран «квазиколлизии» международного и российского права, пресечением попыток «правового искажения», например, актами Европейского Суда по правам человека, национальных ценностей и интересов (семьи, брака, государственной службы и т.д.). Доказывается, что стабильность Конституции Российской Федерации состоит, в том числе в обеспечении базисных конституционных ценностей и национальных интересов.

Ключевые слова. Конституционализм, конституция, закон, право, интерес, ценности, государство, общество, суд.

Constitutional and international law

Sergey G. Pawlikov, doctor of juridical sciences, Professor, Head of the Chair "Constitutional and International law", Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Email: 89152499929@mail.ru);

Svetlana N. Shevchenko, the notary of Moscow, tel. 84959595188; Email: not110@mail.ru

MODERN CONSTITUTIONALISM IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF "CONFLICT" NATIONAL AND INTERNATIONAL VALUES AND INTERESTS

Abstract. An attempt was made to justify the judgment that one of the tendencies of development of modern Russian constitutionalism is related to resistance imposed by the US and some European countries «quasisoliton» international and Russian law, the punishment of attempts «legal distortions», for example, the law of the European Court of human rights, national values and interests (family, marriage, public service, etc.). It is proved that the stability of the Constitution of the Russian Federation consists of including in the provision of basic constitutional values and national interests.

Keywords. Constitutionalism, Constitution, law, right, interest, values, state, society, court.

Существует несколько подходов к понятию и содержанию

конституционализма. В узком смысле под *конституционализмом* понимают систему представлений и идей о развитом демократическом государственном строе, основанном на *конституции*. В широком смысле *конституционализм* представляет ряд взаимосвязанных элементов: конституционные идеи; конституционное законодательство; конституционную практику; реализацию и охрану *конституции* [1].

Авторы статьи полагают возможным разделить мнение о том, что «гармония соотношения *конституционализма* и *конституции* государства состоит в том, что идеи, заложенные в *конституционализме*, постепенно внедряются именно в конституционный текст. Нельзя успокаивать себя тем, что они нашли отражение просто в правовых нормах и этого достаточно. Важнейшим требованием *конституционализма* является то, что его идеи первым этапом воплощаются в *конституции*, вторым - в том, что мы называем подконституционным законодательством. *Конституционализм* гибнет, если его *ценности* попадают в *конституцию*, но далее сводятся на нет текущим законодательством» [2].

Такой подход, во многом, ориентирован на уважительное отношение к конституционным нормам, которые, оставаясь в максимальной мере неизменными, детализируются (не меняя своего «глубинного смысла») в *законах* и подзаконных актах.

В этом плане обоснованным является утверждение о том, что главный смысл стабильности Основного *Закона* состоит в обеспечении сохранности субстанциональных (базовых, отправных) конституционных принципов, целей, *ценностей*, институтов и национальных *интересов*. Без этого *конституция* утрачивает свое истинное значение, во всяком случае, в той ее интерпретации, которая является краеугольным камнем современного *конституционализма* [3].

Более того, на мировом уровне наметилась тенденция формирования стабильных конституционных *ценностей*, установок, *интересов*. Как пишут исследователи, «XX век для юридической науки характерен очень внимательным, трепетным отношением к понятию и универсальным правовым характеристикам (признакам) *Конституции*. В результате сложилось целое учение о *Конституции*, которое с момента формирования претендовало на весьма привилегированное положение во всей совокупности конституционно-правовых знаний и представлений. Учение о

Конституции стало самостоятельной и приоритетной частью социально-правовых исследований» [4].

К сожалению, на рубеже 2012- 2015 гг. обнаружилась и другая тенденция, которую, нередко, характеризуют как турбулентность правовых и экономических явлений и процессов. Возникла необходимость «способствовать нейтрализации рисков международной безопасности, предлагать конструктивные идеи перестройки финансово-экономической архитектуры, находить ответы на вызовы переходной эпохи, предвещающую повышенную турбулентность» [5]. Смена политических лидеров и режимов, череда «цветных» революций явно не способствовала стабильному развитию конституционного законодательства; так, например, в Египте принимались *конституции* (2012 и 2014 гг.), которые «подстраивались» под приходящие к власти политические силы [6].

Однако мы полагаем возможным констатировать, что Россия представляет собой пример страны, сохраняющей спокойствие в современной сложной геополитической и геоэкономической ситуации, не спешащей выходить из числа участников международных договоров, принимать новую *Конституцию* или же кардинально изменять текст действующего Основного закона. Авторы статьи убеждены, что в этом и нет никакой необходимости, ибо в новейшей истории все более очевидный характер приобретает такая уникальная черта российского конституционализма как стабильность, его способность стать основой процесса защиты национальных ценностей и интересов.

Можно разделить позицию, согласно которой наличие в стране *конституции* еще не означает наличия конституционализма, представляющего собой совокупность социально-экономических, политических, юридических, этических, исторических и иных условий, при которых конституция выполняет функцию эффективного ограничения государственной власти [7]. Так, В.Е. Чиркин отмечает, что «содержание понятия «современный конституционализм...многообразно...это общественно-политическое движение, научная теория, государственная доктрина и конституционная практика, соответствующее общечеловеческим ценностям, идеям свободного, открытого общества, демократического, социального, правового и светского государства» [8].

Некоторые авторы используют термин «конституционализация», анализ употребления которого позволяет

выделить три его аспекта: «1) как продолжающегося процесса конкретизации начал, освоения *ценностей* и норм *Конституции* в действующем законодательстве; 2) включение в *Конституцию* основных принципов и статусов тех или иных субъектов конституционно-правовых отношений, в результате чего их правовое положение определяется *законом* достаточно детально. В данном контексте конституционализация рассматривается как составляющая процесса конституционно-правовой (юридической) институционализации; 3) в контексте углубляющейся конституционализации международного *права*, которая уже до достижения ее действительного исторического статус-кво была предсказана И. Кантом в форме грядущего космополитического правопорядка. Этот аспект конституционализации связан с необходимостью пересмотра роли международного публичного *права* как универсальной системы принципов и норм, выступающей основой нового международного порядка для всего международного сообщества в целом. Идеи реконфигурации международного публичного *права*, приобретая черты конституционной значимости, оформились в соответствующую новейшую концепцию под названием «глобальный конституционализм» [9].

Нам представляется, что современные реалии, по меньшей мере, отдаляют практику реализации концепции «глобального конституционализма». Напротив, актуальной представляется постановка вопроса об отличительных свойствах и задачах современного российского конституционализма. Одна из главных задач конституционной теории сегодня, как отмечают исследователи, состоит в «обозначение границ, в пределах которых возможна выработка специфических национальных решений конституционно-правовых споров. Каковы пределы выбора национальных решений универсальных конституционных проблем, не выходящих за пределы основного русла идей и принципов концепции конституционализма?» [10].

Возьмем на себя смелость предположить, что основная тенденция развития современного российского конституционализма не может быть не связана (в силу понятных причин) с противодействием навязываемой нам «квазиколлизии» международного *права* (представляемого как «*право сильного*») и национального *права*, пресечением любых попыток посягательств на суверенитет Российской Федерации. Очевидно, что в таких условиях целесообразно направить усилия юридического сообщества не на

поиск «псевдоколлизий» в российском конституционном тексте, а на его неуклонное соблюдение, на дальнейший рост престижа в российском и международном сообществе. Как справедливо отметил В.Д. Зорькин, у каждого из нас может быть «много претензий к *Конституции*, но она имеет еще больше претензий к нам» [11].

Так, «сравнение российской *Конституции* с зарубежными «образцами» показывает, что в своем текстуальном содержании она изложена достаточно технично, без слишком уж явных дефектов, не обнаруживает каких-либо заметных отступлений от традиционных конституционных *ценностей* и при этом довольно удачно увязывает их со сформировавшимися на протяжении многих столетий отечественной истории государственно-правовыми и национально-культурными предпочтениями» [3].

Выразим надежду, что такой научный подход к современным реалиям *конституционализма* не диссонирует с подходами известных российских ученых, ибо мы разделяем понятия «национальных интересов» и «национального *конституционализма*». Так, О.Е. Кутафин утверждал, что «синтез общепризнанных конституционных ценностей и российских общественно-политических реалий не может иметь итогом построение «суверенного *конституционализма*», который по своей сути был бы коренным образом отличным от исконной природы *конституционализма* как особого политико-правового феномена» [12].

Разумеется, мнения о насущных задачах российского *конституционализма* могут быть и иными; так, Н.А. Савченко в работе 2014 г. утверждает, что от решения следующих проблем «будут зависеть те или иные направления развития отечественной политической системы, а значит, и российского *конституционализма* в целом»; в их числе: «1) начавшаяся с 2000-х гг. централизация власти и, как следствие, активное вмешательство федерального центра в дела регионов, что выразилось в разрыве фактически в одностороннем порядке договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, реформой Совета Федерации и т.д.; 2) объединение субъектов РФ - прежде всего автономных округов с областями и краями, на территории которых они географически располагались; данный процесс активно начался по инициативе федеральной власти в

середине 2000-х гг., но в настоящее время «сбавил обороты»; 3) проблемы, вытекающие из дискуссии о необходимости симметричной или асимметричной федерации в России; 4) проблемы, связанные с сепаратизмом, национализмом, трудовой миграцией и попытками разрешения данных сложных социально-политических конфликтов; 5) дальнейшее развитие отношений России с Республикой Беларусь, заключившими в 1999 г. договор о создании Союзного государства с перспективой его эволюции в конфедерацию, и т.п.» [13]. Другие авторы утверждают, что «Конституционализм – это, прежде всего, конституционная демократия. Без демократии конституционный строй невозможен» [14] и т.п.

В настоящее время судьи Конституционного Суда Российской Федерации констатируют: «хотя качество и самой *Конституции*, и иных актов конституционного *права* никогда не бывает абсолютно безупречным, по отношению к российскому юридическому *конституционализму* в целом можно утверждать, что он вполне в состоянии служить добротной нормативной основой для конституционного обустройства страны» [15]. Однако возникает вопрос о том, «до каких пределов можно говорить о поиске национальных особенностей *конституционализма*, а где практика рассмотрения конституционных споров выйдет за пределы допустимых различий и нарушит общие принципы, составляющие ядро конституционного строя?» [16].

В юридической литературе, в частности, отмечается, что различия в подходах к решению сложных социальных проблем средствами конституционного *права* наиболее «явно проявляются в тех сферах, где современная светская массовая культура входит в конфликт с традиционными социальными нормами. Часто этот конфликт представляется как конфликт между «западными» и «восточными» *ценностями и интересами*, однако главным образом потому, что модернизация в восточных странах проходит гораздо меньшими темпами, нежели на Западе. Подобные конфликты больше всего бросаются в глаза, их труднее всего разрешить, они остаются предметом бесконечных публичных дискуссий, правовых, культурных и политических. Круг подобных ценностных конфликтов не слишком широк: в основном конфликты касаются гендерных вопросов, сексуальных отношений, религии и морали. Традиционные культуры отличаются от современной массовой культуры во взглядах на роль мужчины и женщины в социуме,

положении сексуальных меньшинств и их прав, стандартов морали и роли религии в обществе» [16].

Так, например, вопросы социальной роли женщин затрагиваются в конституционной практике главным образом при оценке гарантий, предоставляемых женщинам в сфере труда и социальной защиты [16]. В этом аспекте можно констатировать противоречия в системе «ценностных координат» Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (см, напр., Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 года № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей»). В частности, так называемое дело К. Маркина обусловило негативную оценку позиции Конституционного Суда Российской Федерации со стороны Европейского Суда. Принципиальные различия в подходах, которые обнаружились между позициями российского Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда, заключались в оценке роли женщины и мужчины в воспитании детей. Конституционный Суд Российской Федерации отстаивал традиционный подход к распределению социальных ролей (ссылаясь, в том числе на защиту материнства в российской Конституции), но охарактеризованный Европейским Судом как «гендерные предрассудки» [16].

Конституционный Суд Российской Федерации, как отмечает С.А. Белов, «использовал идею защиты семьи как традиционной социальной ценности и для подтверждения конституционности закона, устанавливающего ответственность за пропаганду среди несовершеннолетних «нетрадиционных сексуальных отношений» [16]. Конституционный Суд Российской Федерации непосредственно апеллировал к ценности «семьи в традиционном, унаследованном от предков смысле», которая должна защищаться в соответствии с положениями российской Конституции (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2010 года № 151-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы граждан Алексева Николая Александровича, Баева Николая Викторовича и Федотовой Ирины Борисовны на нарушение их конституционных прав статьей 4 Закона Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и статьей 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях»). В другом решении Конституционный Суд Российской Федерации конкретизировал свою позицию, указав, что, поскольку детство находится под защитой государства, следовательно, существуют очевидные основания для защиты детей от «факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и моральное развитие», а именно информации, формирующей искаженные представления о равнозначности социальной ценности традиционного и нетрадиционного брака - целенаправленного и бесконтрольного распространения информации, причиняющей вред развитию (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2013 года № 1718-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 7.1 Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге»).

Можно разделить мнение С.А. Белова о том, что «наднациональные судебные органы, такие как Европейский Суд, претендуют на выработку универсальной системы ценностей, однако в реальности эта универсальная система представляет собой совершенно особенную и отличную от национальных отдельную систему ценностей. Иногда эта система признается в национальных юрисдикциях, иногда нет. Ряд дел, рассматривавшийся Европейским Судом, таких как «Хирст против Великобритании (№ 2)», «Анчугов и Гладков против России», «Лаутси и другие против Италии», «Гергюлю против Германии», «Константин Маркин против России», наиболее убедительно демонстрируют существенные различия в ценностных системах государств-участников Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. За пределами круга этих государств различия могут оказаться еще более значительными, однако даже среди государств-участников Конвенции, имеющих много общего в их культуре и социальных стандартах, различия в ценностных подходах к толкованию конституционных норм и принципов остаются весьма существенными» [16].

Мы согласны с тем, что «конституционализм представляет собой целостную систему *ценностей*, которые невозможно представить отдельно друг от друга, поэтому от того, в какой степени и какими методами реализуется любой из конституционных принципов, зависит как обеспечение остальных, так и судьба конституционализма в целом» [17]. В этом плане важно отметить, что и зарубежные исследователи констатируют наличие проблемы в понимании конституционных *ценностей и интересов*. Так, Г. Хольцингер, Председатель Конституционного Суда Австрии делает такой вывод: «основная правовая структура объединенных в Союзе государств определяется «двойной конституцией», т.е. конституционным дуализмом, состоящим из объединения обоих правопорядков, как национального, так и европейского. Оба правопорядка, хотя и различным образом, связаны и соотношены друг с другом, но остаются самостоятельными» [18].

На основании изложенного мы предпринимаем попытку обосновать суждение о том, что основная тенденция развития современного российского конституционализма не может быть не связана с противодействием «квазиколлизии» международного и российского права и, главное, с пресечением любых попыток «правового искажения» (например, актами Европейского Суда по правам человека) национальных *ценностей и интересов*.

Список литературы:

1. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. 304 с. С.12.
2. Авакьян С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы //Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 27 - 30.
3. Князев С.Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма //Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 4 - 12.
4. Юсубов Э.С. Дискурс о стабильности Конституции Российской Федерации 1993 г. //Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 13 - 16. См. также: Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М.: Норма; Инфра-М, 2013; Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование /Отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма; Инфра-М, 2011; Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма; Инфра-М, 2008; Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. М.: Норма; Инфра-М, 2009; Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Сашко, 2000; Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в

свете конституционного правосудия. М.: Норма; Инфра-М, 2011 и др.

5. *Бевеликова Н.М.* БРИКС: правовые особенности развития //Журнал российского права. 2015. № 8. С. 110 - 123.

6. *Чиркин В.Е.* Принцип социальной справедливости в конституционном измерении //Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 39 - 43.

7. *Ромашов Р.А.* Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ: дисс...докт. юрид. наук. СПб., 1998. С. 93.

8. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.И. Чиркин. М., 2011. С. 85.

9. *Кузьмин А.Г.* Конституционализм, конституционализация, конституционная законность: к вопросу о соотношении категорий //Российский судья. 2014. № 9. С. 14 - 20.

10. *Белов С.А.* Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами //Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37 - 56.

11. *Зорькин В.Д.* Правовой путь России. М., 2014. С. 47.

12. *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. М., 2008. С. 7.

13. *Савченко Н.А.* Актуальные проблемы российского конституционализма //Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 12 - 15.

14. *Астафичев П.А.* Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 19 - 23.

15. *Арановский К.В., Князев С.Д.* Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания //Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 51 - 58.

16. *Белов С.А.* Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами //Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37 - 56.

17. *Магомедова П.Р.* Равенство в доктрине конституционализма //Административное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 717 - 722.

18. *Хольцингер Г.* Конституционное государство в Европейском союзе //Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 35 - 38.

References:

Bezrukov A.V. Constitutional law of Russia: textbook. 3-e Izd., Rev. and supplementary M.: Yustitsinform, 2015. 304 S. 12.

Avakyan S.A. constitutional System and the public sector: concepts and perspectives //the Constitutional and municipal law. 2013. No. 11. P. 27 - 30.

Knyazev S.D. Stability of the Constitution and its significance for modern Russian constitutionalism //Constitutional and municipal law. 2015. No. 1. С. 4 - 12.

Yusubov E. S. Discourse on the stability of the Constitution of the Russian Federation 1993 //the Constitutional and municipal law. 2014. No. 1. S. 13 - 16.

Ebzeev B.S. Introduction to the Constitution of Russia. M.: Normal; Infra-M, 2013;

The Constitution in the XXI century: comparative law research /Ed. edited

by *V.E. Chirkin*. M.: Normal; Infra-M, 2011;

Kutaĭin E. O. of the Russian constitutionalism. M.: Normal; Infra-M, 2008;

The Constitution of the Russian Federation: doctrine and practice. M.: Normal; Infra-M, 2009;

Avakyan S.A. Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. Moscow: Sashko, 2000;

Bondar N. With. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. M.: Normal; Infra-M, 2011.

Bielikova N.M. BRICS: legal peculiarities of development //Journal of Russian law. 2015. No. 8. S. 110 - 123.

Chirkin V.E. the Principle of social justice measurement in the constitutional //Constitutional and municipal law. 2013. No. 11. S. 39 - 43.

Romashov R.A. Modern constitutionalism: theoretical and legal analysis: Diss...dokt. the faculty of law. Sciences. St. Petersburg, 1998. S. 93.

The Constitution in the XXI century: comparative law research / ed. edited by *Chirkin V.I.*, M., 2011. S. 85.

Kuzmin A.G. Constitutionalism, constitutionalization, constitutional legitimacy: the question of correlation of categories //the Russian judge. 2014. No.9. P. 14 - 20.

Belov S.A. Limits the universality of constitutionalism: the influence of national values on the practice of adopting decisions by the constitutional courts of //Comparative constitutional review. 2014. No.4. S. 37 - 56.

Zorkin V.D. the Legal way of Russia. M., 2014. P.47.

Kutaĭin E.O. of the Russian constitutionalism. M., 2008. P.7.

Savchenko N.A. Actual problems of Russian constitutionalism //Constitutional and municipal law. 2014. No.7. S. 12 - 15.

Astafiev P.A. Democracy as the basis of the doctrine of constitutionalism and the constitutional order of a modern state // the Constitutional and municipal law. 2014. N 7. S. 19 - 23.

Aranovsky K.V., Knyazev S. D. the Role of the Constitution in the legal-political arrangement of Russia: the contemporary circumstances and expectations //Comparative constitutional review. 2013. No.3. S. 51 - 58.

Belov S.A. Limits the universality of constitutionalism: the influence of national values on the practice of adopting decisions by the constitutional courts of //Comparative constitutional review. 2014. No. 4. S. 37 - 56.

Magomedova, P.R. the Equality in the doctrine of constitutionalism //Administrative and municipal law. 2014. No.7. P. 717 - 722.

Holzinger G. the Constitutional state in the European Union //Journal of constitutional justice. 2014. No.2. P. 35 - 38.

